

включена в официальную повестку дня встречи мировых лидеров в Санкт-Петербурге. То, что на правах страны-хозяйки саммита Россия предложила мировым лидерам для обсуждения именно эту тему в качестве одной из приоритетных, было не случайно. Не секрет, что среди других энергетических держав мира в последнее время Россия пытается захватить лидерство в решении проблем глобальной энергетической безопасности. Такая политика в полной мере соответствует доктрине России как новой энергетической сверхдержавы, оформившейся в Кремле к концу прошлого года.

В то же время у ЕС нашлось достаточно своих причин для того, чтобы вплотную заняться проблемами собственной энергобезопасности. Во-первых, многим странам Европы стало окончательно ясно, что им необходим качественный скачок в развитии собственной энергетической базы. Европейские страны резонно указывали на то, что нынешние энергетические проблемы большинства европейских государств происходят из того, что в течение последних более чем 20 лет эти страны не делали серьезных инвестиций в развитие собственной энергетики. Таким образом, перед Европой встала актуальная задача создания новых объектов энергетики, на что и были направлены последние энергетические инициативы ЕС.

Во-вторых, как некий картель потребителей, сохраняющий высокую зависимость от поставок энергоносителей, Европейский союз был вынужден всерьез озаботиться проблемой обеспечения устойчивых, конкурентоспособных и — особо отметить — диверсифицированных поставок энергии. Так наряду с либерализацией и интеграцией европейского энергетического рынка его диверсификация стала одним из направлений реформы европейского энергетического сектора, магистральным путем укрепления энергетической безопасности, как ее сегодня понимают в странах Старого Света.

Двигаясь семимильными шагами к диверсификации энергопоставок, в текущем году Европа сумела проделать определенную часть пути. Так, одним из энергетических событий года стало официальное введение в эксплуатацию идущего в Европу нефтепровода Баку—Тбилиси—Джейхан. Другим важным событием стало подписание в июне этого года в Брюсселе документов об осуществлении проекта «Набукко» — нового газопровода, в строительство которого ЕС намерен инвестировать \$5,8 млрд и который будет подавать в Европу туркменский, казахстанский, азербайджанский и российский газ через территорию Грузии и Турции (подписи под этими соглашениями поставили комиссар Еврокомиссии по энергетике Андрис Пибалгс и министры иностранных дел Турции, Болгарии, Румынии, Венгрии и Австрии). А в сентябре новый премьер-министр Украины Виктор Янукович, проявивший неожиданную для промосковского политика активность в общении с Брюсселем, призвал Польшу, Азербайджан и Казахстан активизировать работы по достройке нефтепровода Одесса—Броды—Плоцк, еще одной большой трубы в Европу. И наконец, в октябре в столице Казахстана Астане состоялась встреча представителей Европейского союза в Центральной Азии, на которой было заявлено о готовности ЕС поддерживать строительство нового транскаспийского трубопровода, призванного качественно расширить доступ европейских потребителей к среднеазиатским энергоносителям.

Следует отметить, что заявленная ЕС в качестве политической цели диверсификация энергопоставок вовсе не являлась следствием некоего антироссийского энергетического заговора Брюсселя или глубокого недоверия Европы к России Владимира Путина.

«Оснований предполагать, что идея диверсификации означает, что мы будем закупать в России меньше газа, нет. Мы это объясняем совсем иначе. Мы и дальше будем зависеть от импорта российского газа. Диверсификация — это просто разумная позиция, основанная на желании не быть зависимыми только от газа и только из одного источника. Наши опасения были также связаны с тем, что Россия не сможет быстро увеличивать объемы добываемого газа, поскольку капиталовложения в газовой промышленности России последнее десятилетие были незначительными», — разъясняет чрезвычайный и полномочный посол Австрии в России Мартин Вукович.

Конечно, то, как Москва строила в последние месяцы свою энергетическую политику по отношению к Украине, Грузии, Белоруссии и другим государствам СНГ, не могло не вызывать в Европе вопросы. Но в то же время говорить о том, что Европа, дескать, пришла к идее диверсификации, испугавшись политической зависимости от России, значило бы подменить понятия и выстроить ошибочную причинно-следственную связь.

Тем не менее у многих российских политиков и экспертов, в течение последних месяцев наблюдавших за тем, как в своей энергетической политике Европа не хочет класть все яйца в одну корзину, стали сдавать нервы. Они во весь голос заговорили о том, что европейская диверсификация, дескать, направлена на сокращение энергопоставок из России и может привести к потере традиционных рынков российского экспорта. Если следовать этой логике, то получалось, что собственную энергетическую безопасность — безопасность потребителя — ЕС пытается укрепить за счет энергетической безопасности России — страны-поставщика. Широкое распространение получила теория о том, что, дескать, у потребителей свое представление об энергобезопасности, а у поставщиков — свое и вместе им, как киплинговским Востоку и Западу, в силу фундаментального противоречия их интересов никогда не сойтись.

Однако при более пристальном рассмотрении выясняется, что нет энергобезопасности потребителей как антитезы энергобезопасности поставщиков, а есть энергобезопасность одна на всех. И чем быстрее это поймут любители заняться перетягиванием каната или поиграть в энергетические войны и с той и с другой стороны, тем быстрее Россия и ЕС смогут укрепить доверие в области энергетического сотрудничества. Вот как видит эту ситуацию глава представительства Европейской комиссии в России Марк Франко: «Может показаться, что понятие „энергобезопасность“ отличается для поставщика и потребителя. То есть у России и Европы якобы разные потребности: мы хотим предложения, вы — спроса. Однако на самом деле мы говорим об одном и том же — об эффективности и росте добычи сырья, инвестициях в газовую и нефтяную отрасли, строительстве трубопроводов. Спрос и предложение взаимосвязаны. Будущее российских поставок в Европу во многом зависит от европейских инвестиций. Поэтому мы должны работать вместе».

ЭНЕРГОХАРТИЯ: УЛИЦА С ДВУСТОРОННИМ ДВИЖЕНИЕМ

Многие проблемы в энергетическом сотрудничестве между Россией и ЕС отпали бы сами собой, если бы стороны договорились об общих правилах игры, причем зафиксировали свою договоренность докумен-

тально. По мнению европейских партнеров России, таким документом могла бы стать Европейская энергетическая хартия, вызвавшая очередной всплеск дискуссии на саммите в Лхти. Европейский союз упорно добивается от России ее ратификации, а Россия делать это не спешит.

О чем речь и почему этот вопрос приобрел для сторон такую принципиальность? Напомним, что Европейская энергетическая хартия была подписана в 1991 году, к сегодняшнему дню ее ратифицировало уже более 50 государств. Договор об энергохартии обязывает присоединившиеся к нему страны руководствоваться в своей политике пятью принципами. Это поощрение инвестиций в энергетику, соблюдение государственного суверенитета над природными ресурсами, а также следование принципам трех фундаментальных свобод — свободы доступа к энергорынкам, свободы транзита энергоресурсов и свободы движения капиталов, связанных с инвестированием в энергетику.

Возьмем, к примеру, первый принцип — поощрение инвестиций. «В настоящее время инвестиции — важнейший вопрос энергетической дискуссии РФ и ЕС. Особенно это касается таких трех секторов, как производство, транспортировка и распределение энергии. Российских инвесторов интересует уровень распределения энергии, иностранных — возможность производства на территории РФ. Сегодня мы должны договориться об основных принципах работы, а какими будут отношения иностранных предприятий и российских инвесторов, они определят самостоятельно», — рассуждает посол Финляндии в Москве Харри Хелениус.

В общем, казалось бы, цели у Европейской энергетической хартии самые что ни на есть положительные — создать комплекс мер для энергетической безопасности, о которой подробно говорилось выше. Но почему же тогда Москва против? По мнению российских оппонентов этого энергетического кодекса, если Россия присоединится к энергохартии, то она должна будет обеспечить свободный допуск иностранных компаний к разработке и транспортировке своих нефти и газа, в то время как российские компании не получат свободного доступа к европейским трубопроводам. В итоге это будет не что иное, как игра в одни ворота. Вот как разъясняет ситуацию первый заместитель председателя думского комитета по международным делам Леонид Слуцкий: «В Лхти мы четко расставили акценты во взаимодействии в энергосфере и области энергобезопасности. Ратификация энергохартии в ее нынешнем виде ограничит и даже нарушит наши национальные интересы».

Однако значит ли это, что энергодиалогу Россия—ЕС суждено зайти в тупик? Вовсе нет. По мнению российской стороны, нужны новые переговоры, в ходе которых можно будет выработать новую редакцию энергохартии, новые формы энергодиалога. Такие формы, когда энергетическое сотрудничество России и ЕС станет улицей с двусторонним движением, а, требуя открытости от Москвы, Европейский союз в полной мере будет демонстрировать по отношению к России такую же открытость.

Следует отметить, что в разных трактовках, которых Москва и Брюссель придерживаются по вопросу о Европейской энергетической хартии, нет ничего необычного. Более того, напрашивается парадоксальный вывод о том, что чем быстрее стороны сближаются, тем быстрее выявляются столкновения, а то и конфликты их интересов. Ведь обратная сторона любой интеграции — возрастание кон-

куренции, не так ли? Похоже, это понимают и российские официальные лица, которые не склонны драматизировать ситуацию в отношениях с ЕС. Вот как определяет задачу глава МИД РФ Сергей Лавров: «Наша задача — чтобы конфронтационная конкуренция не стала доминирующей, чтобы будущие переговоры не стали перечнем упреков друг к другу».

МОЗГОВОЙ ШТУРМ В ШАТО-ДЕ-ФОРЖЕ

Особенно актуальной эта задача становится в преддверии переговоров по новому политическому соглашению между Россией и ЕС, которое должно определить формат всего сотрудничества между ними, а не только энергетические и прочие деловые связи. После саммита в Лхти о необходимости скорейшего подписания такого соглашения говорят все громче. Российские дипломаты рассчитывают, что первый раунд переговоров по новому договору о сотрудничестве между Россией и Европейским союзом может начаться уже в ноябре. Москва настаивает на том, чтобы это был не рядовой документ, а выверенный до запятой договор о стратегическом партнерстве, который к тому же имел бы юридически обязывающий характер, чтобы дело не ограничилось политическими декларациями, как это уже не раз бывало в отношениях Москвы и ЕС в последнее десятилетие.

Свидетельством тому, что подготовка к подписанию нового соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Россией и Европейским союзом идет полным ходом, стал проведенный в конце октября в Шато-де-Форже под Парижем семинар «Перспективы политики ЕС в отношении России и Украины». Организатором этого мозгового штурма, состоявшегося вскоре после саммита в Лхти, стал президент Национального инвестиционный совета, депутат Госдумы РФ Александр Лебедев. Как пояснил в ходе дискуссии руководитель департамента по развитию отношений с ЕС администрации президента РФ Сергей Кулик, необходимость нового соглашения обусловлена тем, что в старом СПС многие вещи не работают, а многие и вовсе не были заложены изначально. Поэтому, по его мнению, и нужно провести инвентаризацию существующей институционально-правовой базы.

Чтобы справиться с этой задачей, господин Кулик призвал не увязывать напрямую Европейскую энергетическую хартию с подписанием нового СПС, поскольку это лишь усложнит и без того непростой переговорный процесс. «Хартия и соглашение — это разные вещи. Нам целесообразно говорить о всеобъемлющем рамочном договоре с учетом многих сфер сотрудничества», — заявил Сергей Кулик, еще раз напомнив о том, что сотрудничество России и ЕС не сводится к энергетической области. — Мы категорически не согласны с тем, что о СПС следует забыть, заключив соглашение только о взаимоотношениях в сфере энергетики. В последнее время энергетика заслонила собой все в наших отношениях, и многие забывают о том, что мы ведем и другие полезные диалоги».

Тем не менее главными принципами, которые Москва будет отстаивать на переговорах по СПС, станут все те же принципы равноправия и взаимной выгоды, при соблюдении которых она когда-нибудь, возможно, ратифицирует Европейскую энергетическую хартию. Работа по подготовке такого договора должна сблизить, а не разъединить стороны. Тогда и детские страхи по поводу занесенной над Европой российской энергодубины отпадут сами собой. ■

ПРЯМАЯ РЕЧЬ ЧТО ГОВОРЯТ ОБ ЭНЕРГОБЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ И ЕС

Владимир Путин, президент России: «Россия в течение более 40 лет поставляет газ в Европу. И, несмотря даже на свои внутренние политические, экономические сложности начала и середины 90-х годов, ни разу ни на один день не допустила никакого сбоя в поставках энергоносителей в Европу. Европейцам нечего опасаться» (6 июля 2006 года на интернет-конференции в Кремле).

Виктор Христенко, министр промышленности и энергетики России: «Россия ни разу не прерывала свои поставки в Европу — ни во времена холодной войны, ни в ходе рублевого кризиса 1998 года, ибо мы осознаем себя исторически

частью Европы. Это означает, что Россия независимо от внутренних проблем или напряженных отношений с частью мира, с которой у нее могли быть противоречия, никогда не воспринимала энергию как оружие, средство давления или шантажа» (11 июля 2006 года в статье Frankfurter Allgemeine Zeitung).

Игорь Шувалов, помощник президента России: «Мы готовы обеспечить Европу нефтью и газом в долгосрочной перспективе, при этом мы берем на себя роль лидера. Мы будем осуществлять свою экспансию и дальше — нравится это нашим европейским партнерам или нет. Если они захотят

— вместе с европейскими энергетическими компаниями. Но мы будем лидировать, это уже понятно» (23 мая 2006 года в интервью «Независимой газете»).

Семен Вайншток, президент «Транснефти»: «Мы перекормили Европу нефтью. А в любом учебнике по экономике написано, что при избыточном предложении снижается цена. Но возможности уменьшить предложение у нас нет: весь экспорт ориентирован на Европу. Как только мы повернемся в сторону Китая, Южной Кореи, Австралии, Японии, то это сразу заберет часть нефти от наших европейских коллег» (24 апреля 2006 года в интервью «Независимой газете»).

Жозе Мануэл Баррозу, председатель Европейской комиссии: «Выступая единым фронтом в диалоге с Россией, мы смогли более четко изложить свою идею о том, что существует потенциально выгодная взаимозависимость между Европой и Россией в области энергетики. Но Европа выигрывает только в том случае, если будет единой, и не будет вести диалог отдельно от лица каждого из 27 государств» (30 октября 2006 года на конференции в Лисабоне).

Ангела Меркель, канцлер Германии: «Северо-Европейский газопровод является капиталовложением в безопасность энергоснабжения Европы. В отношении прибал-

тийских государств, Польши мы хотели бы подчеркнуть, что этот проект не направлен против кого бы то ни было» (16 января 2006 года на пресс-конференции в Кремле).

Ференц Дьюрчань, премьер-министр Венгрии: «Необходима не только единая европейская энергетическая политика — необходимо открытое и доброжелательное энергетическое сотрудничество между Европой и Россией. Мы взаимосвязаны на долгие времена. Я думаю, что Россия подает частую прекрасный пример того, как можно строить эти отношения на основе общих интересов» (18 сентября 2006 года на пресс-конференции в Сочи).